

Въ Московскомъ Университетѣ
Въ Меморіалѣ

ОБРАЗЦЫ

НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

САМОВЪДОВЪ

Сочиненіе Кн. Н. А. Кострова.

Томскъ

Томская Губернская Типографія

1882

Печатано въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»
съ разрѣшенія г. Начальника Губерніи.

ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ САМОЭДОВЪ.

Самоэды, несмотря на свою малочисленность, занимают огромную территорию въ европейской и азиатской Россіи. Они распространяются отъ Бѣлаго Моря на западъ, до Хатангскаго залива на востокъ, отъ Ледовитаго Океана на сѣверъ, до Саянскихъ горъ на югъ. Преимущественно они обитаютъ въ пустынныхъ тундрахъ вдоль береговъ Ледовитаго Океана. Причина этому та, что Самоэды, какъ и Лапландцы, существуютъ только стадами оленей, а олень можетъ свободно водиться только на тундрѣ, которая представляетъ весьма мало удобствъ для заселенія человѣка. Она доставляетъ самое скудное содержаніе скитающемуся по ней номаду, а опытъ вѣковъ показалъ (да оно и въ самой природѣ вещей), что народы-номады никогда не достигали высшей культуры. Въ этомъ не должно, однакоже, видѣть приговора Самоэдамъ на вѣчную дикость и варварство; напротивъ, христіанство и культура должны въ непродолжительномъ времени пустить корни между ними. Вся такъ называемая страна тундръ перерѣзана большими, рыболовными рѣками, берега которыхъ плодородны и удобны для скотоводства. Судьба Самоэдовъ, безъ сомнѣнія, будетъ заключаться въ томъ, что они поселятся на этихъ рѣкахъ и оленеводство промѣнятъ на рыболовство и скотоводство. Русскіе показали уже имъ прекрасный примѣръ въ этомъ отношеніи: при всѣхъ большихъ рѣкахъ находятся уже небольшія русскія колоніи, изъ которыхъ нѣкоторыя достигли необыкновеннаго благосостоянія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣдные самоэды послѣдовали уже ихъ примѣру; но опытъ показалъ, что въ подобныхъ случаяхъ они теряютъ свою народность и дѣлаются болѣе и болѣе русскими. Это то самое и отвлекаетъ самоэдовъ отъ всякихъ попытокъ къ осѣдлости, потому что народность свою они считаютъ выше всего и готовы пожертвовать для нея всѣми благами жизни. Однакожъ, во всякомъ случаѣ, они недолго еще могутъ сохранять эту свою народность, потому что даже если бы они держались въ самомъ строгомъ отдѣленіи отъ Русскихъ и если бы ушли въ самыя недоступныя тундры, цивилизація преслѣдовала бы ихъ и тамъ, а, по

мѣрѣ сближенія съ нею, въ той же мѣрѣ увеличивались бы и потребности ихъ. Эти потребности они не могутъ долго удовлетворять при теперешнемъ образѣ жизни. День ото дня они впадаютъ въ большую и большую бѣдность, стада оленей становятся все менѣе и менѣе, а когда сѣденъ послѣдній олень, то бѣдному самоѣду не остается ничего болѣе, какъ идти въ услуженіе къ русскому колонисту или питаться его милостынею. Въ обоихъ случаяхъ онъ долженъ распротиться съ своей народностью, и если гдѣ либо Самоѣды поселились осѣло, то уже не въ ихъ власти сохранить свой языкъ, религію и обычаи. Такъ случилось, напримѣръ, съ Самоѣдами на Колвѣ. Короче сказать, Самоѣды-народъ вымирающій; потомство едва будетъ знать, что когда либо существовалъ такой народъ. Они не совершили ничего, что заслуживало бы сохраненія ихъ имени въ исторіи. Мы едва знаемъ кое—что объ ихъ происхожденіи и даже подвергалось сомнѣнію, къ какой человѣческой расѣ должно отнести ихъ. Между физиологами господствуютъ въ этомъ отношеніи три воззрѣнія. Геузенгеръ причисляетъ Самоѣдовъ, равно какъ и Лапландцевъ, къ кавказской расѣ; Бори де Сан-Венсанъ, допуская еще такъ называемую *иперборейскую* расу, относитъ къ ней, конечно, и Самоѣдовъ; наконецъ, Блюменбахъ, Баеръ и др. держатся мнѣнія, что Самоѣды принадлежатъ къ монгольской расѣ. Съ филологической точки зрѣнія можно согласиться только съ послѣднимъ мнѣніемъ. Однакожь, приэтомъ необходимо замѣтить, что тогда какъ между физиологами Баеръ не допускаетъ никакого родства съ одной стороны Лапландцевъ и Финновъ, а съ другой Самоѣдовъ, — напротивъ, филологъ находится въ необходимости отнести финское и самоѣдское племена къ одной и той же расѣ. Короче сказать, Самоѣды должны быть причислены къ группѣ, такъ называемыхъ, *Алтайскихъ* народовъ, т. е. такихъ, которые въ незапамятной древности обитали въ части Азіи, прилегающей къ Алтайскимъ горамъ. Нѣкоторые ученые называютъ эти народы *татарскими, туранскими, скифскими, урало-алтайскими* и т. д., названіе *алтайскихъ* далъ имъ извѣстный изслѣдователь языковъ этихъ народовъ Кастрень. Сюда относятся Тунгусы, Монголы, Тюрки, Самоѣды, Енисейскіе Остяки и Финны съ различными развѣтвленіями. Самоѣды составляютъ переходъ отъ финскаго къ тюрско-монгольскому племени.

Самоѣды распадаются на три большія вѣтви: 1)

Юрако-Самоѣдовъ, 2) Тавги-Самоѣдовъ и 3) Остяко-Самоѣдовъ; къ нимъ должно присоединить еще двѣ небольшія вѣтви Енисейскихъ Самоѣдовъ и Камассинцевъ. Юрако-Самоѣды распространились отъ Бѣлаго моря на западъ, до Енисея на востокъ и кочуютъ по безлѣсной тундрѣ, окаймляющей берега Ледовитаго океана. Къ востоку отъ нихъ поселились такъ называемые Тавги-Самоѣды, распространившіеся до Хатагскаго залива и кочующіе также на тундрѣ. Между этими двумя большими племенами, на нижнемъ теченіи Енисея, живутъ Енисейскіе Самоѣды. Они также большею частію номады, однакожь занимаются и рыбою ловлею въ Енисеѣ. Остяко-Самоѣды находятся внѣ области тундръ и держатся въ области лѣсовъ. Небольшая вѣтвь этого племени встрѣчается на сѣверѣ у рѣки Таза, между тѣмъ, какъ большая часть живетъ разсѣянно на верхней Оби и ея многочисленныхъ притокахъ. Изъ нихъ только Тазовскіе Самоѣды владѣютъ стадами оленей, всѣ же остальные существуютъ звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Въмѣсто оленей они употребляютъ частію лошадей, частію собакъ; жилища ихъ состоятъ не изъ чумовъ, а изъ небольшихъ хижинъ или такъ называемыхъ юртъ. Что касается, наконецъ, до Камассинцевъ, то они живутъ въ южной Сибири, на степной полосѣ, по небольшимъ рѣчкамъ Кану и Мауѣ, принадлежащимъ къ рѣчной области Енисея. Они звѣроловы, но пріэтомъ имѣютъ небольшое число оленей. Они составляютъ весьма незначительное племя; однакожь ихъ существованіе имѣетъ весьма важное значеніе для этнографіи, потому что оно даетъ рѣшительный результатъ въ вопросѣ о происхожденіи Самоѣдовъ. Ученые давно уже утверждали, что самоѣдское племя, равно какъ и другія родственныя ему племена, имѣли древнѣйшее пребываніе поблизости Алтая, въ Саянской горной области. Точно такъ, Палласъ въ Камассинцахъ, Карагассахъ, Койбалахъ, Маторахъ, Арицахъ, Ассанахъ и др., живущихъ у источниковъ Енисея, въ сѣдствѣ Саянскихъ горъ, видѣлъ слабые остатки самоѣдскаго племени. Но чрезъ вѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ Палласа енисейскій губернаторъ Степановъ нашелъ, что племена, которыя Палласъ считалъ самоѣдскими, чисто тюркскаго происхожденія—татары. Въслѣдствіе этого, Академія Наукъ, при отправленіи Кастрена въ его сибирское путешествіе, между прочимъ, поручила ему войти въ ближайшее опредѣленіе народности помянутыхъ выше племенъ. Кастренъ нашелъ, что между Камассинцами одинъ

удусъ состоятъ изъ чистыхъ Самоѣдовъ, остальные же племена, какъ пишетъ и Степановъ, были тюрки. Между тѣмъ, у Койбаловъ, Маторовъ, Карагасовъ, Сойстовъ и другихъ племенъ, упоминаемыхъ Палласомъ, распространено преданіе, что отцы ихъ говорили другимъ языкомъ и нѣсколько человѣкъ знали еще кое-какія слова изъ этого языка. Съ помощью ихъ Кастрену было уже легко разрѣшить спорный вопросъ. Оказалось, что горная саянская область была мѣстопребываніемъ двухъ сѣверныхъ племенъ, а именно: 1) Самоѣдовъ и 2) Енисейскихъ Остяковъ. Относительно Самоѣдовъ весьма замѣчательно то обстоятельство, что упоминаемая здѣсь южная вѣтвь этого племени и еще существующіе Камассинцы сохранили до сихъ поръ родовыя имена, которые находятся у сѣверныхъ ихъ соплеменниковъ. Вслѣдствіе этого, не можетъ уже быть сомнѣнія въ происхожденіи Самоѣдскаго племени въ приалтайской мѣстности. Но опредѣлить время выхода ихъ отсюда не представляется возможности, такъ какъ первое свѣдѣніе о Самоѣдахъ мы встрѣчаемъ только у Нестора, во время котораго они уже занимали свои сѣверныя жилища. Причины движенія ихъ изъ своей родины ничѣмъ нельзя объяснить, какъ только постоянными безпокойствами, господствовавшими въ Верхней Азии, особенно въ то время, когда Гоингу и другія тюркскія племена сдѣлались владыками этой страны. Въ это время многія тюркскія племена должны были другъ за другомъ оставить эту свою родину. Сѣверные Гоингу оставили Верхнюю Азію уже въ отдаленное время. То же самое произошло съ Киргизами и, можетъ быть, со многими другими тюркскими племенами, которые поселились въ степяхъ южной Сибири, къ сѣверу отъ Саянскихъ горъ. Эти тюркскія колоніи дали толчекъ Самоѣдамъ и заставили ихъ подняться и направиться далѣе къ сѣверу. При этомъ одна часть ихъ потянулась по теченію Енисея, а другая по теченію Оби. Что эти рѣки дѣйствительно были путевказателями Самоѣдамъ во время ихъ народнаго странствованія, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что вдоль обѣихъ этихъ рѣкъ находятся многочисленныя, частію вымершія, частію же и теперь существующія колоніи Самоѣдовъ. Но гдѣ только на югѣ находится существующая или вымершая колонія самоѣдскаго происхожденія, тамъ еще южиѣе стѣ нея непременно находится какое либо тюркское племя. Что же касается до Самоѣдскихъ племенъ, которые потеряли свою народность,

то они, какъ извѣстно, сдѣлались всѣ тюрками. Все это очевидно доказываетъ, что тюрки были тотъ народъ, который вытѣснилъ Самоѣдовъ изъ ихъ жилищъ при Алтайскихъ горахъ. При дальнѣйшемъ странствованіи своемъ, Самоѣды пришли въ соприкосновеніе съ другими племенами, именно финскими. Приэтомъ, если вѣрить ходячимъ народнымъ сказаніямъ, нѣкоторые самоѣдскія племена были прогнаны Финнами, тогда какъ, напротивъ, другія вытѣснили финское населеніе и заняли его жилища. Въ особенности кажется достовѣрнымъ то сказаніе, по которому угрскіе Остяки вытѣснили Самоѣдовъ изъ ихъ жилищъ на нижней Оби къ берегамъ Ледовитаго моря. Это преданіе распространено и между Остяками и находитъ подтвержденіе себѣ въ томъ, что остяцкое населеніе встарь дѣйствительно имѣло свои жилища южнѣе нынѣшнихъ и должно было оставить ихъ вслѣдствіе напора племенъ тюркскаго происхожденія. Единственная страна, гдѣ Финны, кажется, принуждены были уступить свои жилища Самоѣдамъ, это страна на востокъ отъ Урала. Здѣсь финское племя жило съ незапамятныхъ временъ, что доказывается многими финскими названіями мѣстностей, многочисленными свидѣтельствами скандинавскихъ сагъ о Біармаландѣ и его финскомъ населеніи, наконецъ, обще-распространеннымъ между Самоѣдами и Русскими сказаніемъ о Чуди (по-самоѣдски *Surtis*). Это сказаніе говоритъ, что во время пришествія Самоѣдовъ Чудь скрылась въ нѣдра земли и теперь еще владѣетъ тамъ богатыми стадами бобровъ, лисицъ и мамонтовъ.

Все вышензложенное, основываясь на изслѣдованіяхъ Кастрена, мы считали необходимымъ сказать въ видѣ предисловія къ тѣмъ памятникамъ народнои литературы Самоѣдовъ, которые будутъ приведены ниже.

Народная литература Самоѣдовъ весьма бѣдна и состоитъ изъ небольшого числа пѣсенъ, сказокъ и загадокъ.

Изъ пѣсенъ Самоѣды любятъ преимущественно богатырскія. Въ Томской губерніи они называются кюелдетъ или кюелдсгутъ, т. е. старина, древность. Въ нихъ воспѣваются, обыкновенно, богатыри-мадуръ-слово, которымъ Томскіе Самоѣды въ то же время называютъ и древною чудь, народъ, исчезнувшій передъ приходомъ Русскихъ въ Сибирь.

Слѣдующая пѣсня о Катъ-Манъ-Пучѣ записана въ Нарымскомъ краѣ Томской губерніи знатокомъ самоѣдскаго языка Н. П. Григоровскимъ и приводится здѣсь въ дословномъ переводѣ.

„Катъ-Манъ-Пучъ спитъ въ зыбкѣ, мать взяла его изъ нея, посадила Катъ-Манъ-Пуча на полъ.

Со двора пришелъ человекъ, помолился Богу, сказать: „зачѣмъ ты взялъ человека, Катъ-Манъ-Пучъ? зачѣмъ зовешь?“

Катъ-Манъ-Пучъ сказала тому человеку: „лодку дѣлать, лодку дѣлать, чтобъ посадить шестьдесятъ человекъ!“ Лодку дѣлаютъ семь дней.

Катъ-Манъ-Пучъ вышла, чтобы отправиться, сѣлъ въ лодку и оттолкнулся отъ берега.

Положили шестьдесятъ гребей и семь дней плыли вверхъ; въ седьмой день пришли къ тремъ устьямъ Кадыски; придя, встрѣтили заводъ; она задержала ихъ, и гребли до поту, хотѣли пройти.

Катъ-Манъ-Пучъ вышла изъ подъ крыши лодки, и опустилъ въ заводъ деньги по обѣ стороны лодки. Теперь прошли.

Хочетъ онъ идти въ городъ Кадыски. У города стоятъ семь большихъ рыбъ. За ними рядомъ и онъ сталъ съ лодкой. Тутъ стоялъ семь дней; семь дней Катъ-Манъ-Пучъ не выходилъ изъ подъ крыши лодки въ городъ.

Въ городъ пришелъ низовскій богатырь (*) и пируетъ; онъ пришелъ высватать бѣлую красавицу Кадыски.

Невѣста выходитъ, спускается за водою, спускается съ берега; наступила на первую рыбу, и поглядываетъ внизъ по рѣкѣ, поджидаетъ Катъ-Манъ-Пуча.

Невѣста говоритъ: „Зачѣмъ не придетъ Катъ-Манъ-Пучъ?“ Невѣста пошла по верху семи рыбъ и дошла до

(*) т. е. съ низовьевъ Оби.

лодки Катъ-Манъ-Пуча. Катъ-Манъ-Пучъ вышелъ изъ подъ крыши лодки, посадилъ ее къ себѣ въ лодку и отправился внизъ.

Семь дней идутъ внизъ, и опять встрѣтили заводъ; опять Катъ-Манъ-Пучъ опустилъ деньги; деньги пропустили ихъ впередъ. И семь дней плыли.

Катъ-Манъ-Пучъ подплывалъ къ своему городу; Катъ-Манъ-Пучъ заснулъ; Катъ-Манъ-Пучъ говоритъ, говоритъ женѣ: „Ты сиди.“ Жена говоритъ: „куда ты высыпалъ деньги?“

Катъ-Манъ-Пучъ вмѣстѣ съ женою вышелъ на берегъ и вошелъ въ домъ; вошедши въ домъ, стали пить вино. Въ городѣ также всѣ пьютъ вино, а Катъ-Манъ-Пуча сталъ клонить сонъ.

Катъ-Манъ-Пучъ сказалъ: „Семь мечей виситъ у меня; когда я усну и надо будетъ разбудить меня, то ткни меня въ ногу седьмымъ мечемъ, маленькимъ мечемъ, тогда я проснусь.“

Жена Катъ-Манъ-Пуча сидитъ дома. Катъ-Манъ-Пучъ поднялся и беретъ мечъ.

Жена вышла на улицу, беретъ топоръ. Въ домѣ свекровь сказала ей: „ты куда пошла?“ Она отвѣчала свекровкѣ: „Я иду рубить дерево.“ (*)

Вышла вонъ. На дворѣ отецъ Катъ-Манъ-Пуча сказалъ ей: „ты куда пошла?“ Женщина сказала: „Я пошла рубить дерево.“ Вышла вонъ, спустилась съ берега, развалила лодку и поплыла.

Женщина поплыла вверхъ рубить дерево, плыла по рѣкѣ семь плесовъ по быстринѣ, хорошо правила лодкою и проплыла быстрину.

Семь плесовъ миновала, на седьмомъ плесѣ было много деревь. Женщина вылезла и стала рубить. И что-то въ лѣсу затрещало и еще затрещало.

(*) Рубка дровъ для топки, да и всѣ прочія дѣла по хозяйству относятся къ обязанностямъ женщины.

Женщина смотритъ: пришелъ человекъ; она посмотрѣла: пришелъ ея старшій братъ. Братъ сказалъ ей: „Зачѣмъ ты ушла къ другому человеку?“

Другой человекъ пришелъ. Женщина посмотрѣла: съ братомъ ея пришелъ низовскій богатырь. Женщина тутъ спряталась за дерево; много людей окружило ее.

Тотъ человекъ, низовскій богатырь, сказалъ ей: „Пойди назадъ къ Катъ-Манъ-Пучу; онъ спитъ; ты зашей ремнемъ кольчугу, чтобъ ее нельзя было надѣть ему; мы придемъ и убьемъ его.“

Женщина нарубилла дерева, наложилла въ лодку и поплыла домой.

Женщина воротилась въ городъ, въ городѣ вышла на берегъ; въ дверяхъ встрѣтила свекра. Старикъ сказалъ женщиѣ: „ты куда ѣздила?“ Женщина сказала: „я ѣздила рубить дерево.“

Встрѣтилась со свекровьею; свекровь сказала женщиѣ: „По лицу твоему видно, что ты видѣлась съ низовскимъ богатыремъ, это ходитъ на лицѣ твоемъ.“

Катъ-Манъ-Пучъ спалъ; женщина сняла кольчугу и стала зашивать.

Шьетъ она и думаетъ. Низовскій богатырь на умѣ у ней: низовскій богатырь черный, некрасивый. Катъ-Манъ-Пучъ пошелъ на умъ: Катъ-Манъ-Пучъ бѣлый, красивый. И она распоролла кольчугу и повѣсила вверхъ.

Женщина вздумала: она взяла мечъ и уколола имъ Катъ-Манъ-Пуча, уколола въ ногу. Катъ-Манъ-Пучъ поднимается.

Катъ-Манъ-Пучъ сказалъ: „я выспался.“ Катъ-Манъ-Пучъ беретъ мечъ; Катъ-Манъ-Пучъ выходитъ на улицу.

Низовскій богатырь пришелъ съ войскомъ; Катъ-Манъ-Пучъ сталъ рубить войско; рубилъ три дня.

Услышавъ голосъ на верхнемъ концѣ города, Катъ-Манъ-Пучъ побѣжалъ туда. Тамъ отца его свалилъ низовскій

богатырь. Катъ-Манъ-Пучъ стащилъ его съ отца своего и убилъ. И началъ рубить простой народъ.

Мать Катъ-Манъ-Пуча схватилась съ богатыремъ; богатырь повалилъ ее: старуха кричитъ. Катъ-Манъ-Пучъ побѣжалъ туда, сбросилъ и убилъ низовскаго богатыря. И опять началъ рубить.

Катъ-Манъ-Пучъ рубилъ семь лѣтъ. Катъ-Манъ-Пучъ окончилъ рубить и пришелъ къ своей женѣ. И съ женою они родили сына и родили дочь, а теперь выдаютъ дочь замужъ.

Слѣдующая пѣсня помѣщена Степановымъ въ его описаніи Енисейской губерніи (Енисейская губернія, С.-Петербург. 1835 г. ч. II). Онъ слышалъ ее у Камасницевъ или Кальмажениловъ, какъ онъ ихъ называетъ.

„Молодая Дадыгаты оставила подножіе горы Прижмыя и перебѣжала черезъ хребетъ Нумуу-мыя къ народу Саянскому, она не любила своего мужа. „Кальмаженилы, сказала она Саявамъ, хотятъ идти на васъ войною.“ И Кальмаженилы пришли вслѣдъ за нею. Стоитъ большой мать [чумъ]. Въ немъ спрятана была за дровами Дадыгаты. Начался бой мѣдными стрѣлами, продолжался два дня. Мы ихъ разбили на голову. Мы вошли въ мать, раскидали полѣнья и нашли Дадыгаты. Она забросила себѣ руки на затылокъ, завыла и умоляла мужа простить ее, онъ былъ согласенъ, но мы не хотѣли простить ее, привязали за ноги къ двумъ конямъ и пустили въ поле. Коня разорвали на двѣ части Дадыгаты.“

Камасницы называли эту пѣсню нумакъ, т. е. баллада.

Пѣсни этого рода, говоритъ Кастренъ, въ величайшемъ уваженіи у самоѣдовъ. Съ религіознымъ почти благовѣніемъ прислушиваются они къ каждому слову, срывающемуся съ устъ пѣвца. Точно также, какъ и шаманъ, сидитъ пѣвецъ на скамейкѣ или на сундукѣ по срединѣ юрты, а слушатели располагаются вокругъ него. Въ Томской губерніи Кастренъ замѣтилъ, что пѣвецъ старается выразить тѣлодвиженіями участіе, принимаемое имъ въ своемъ героѣ. Тѣло его трясется, голосъ—дрожитъ, лвою рукою онъ безпрестанно закрываетъ глаза, полные слезъ, а въ правой держитъ стрѣлу, обращенную остриемъ къ полу. Слу-

шателн спадать, обыкновенно, безмолвно; но, когда богатырь погибает или взвивается на крылатомъ орлѣ къ облакамъ,—у нихъ вырывается громкое хее, соотвѣтствующее нашему ура.

Гораздо менѣе уважаются пѣсни лирическаго содержания. Онѣ и не переходятъ изъ рода въ родъ, но рождаются и умираютъ мгновенно. Полагаютъ, что не стоитъ помнить ихъ, потому что каждый способенъ выражать и радость и горе своего сердца. Сочиненіе пѣсни Самоѣды не почитается важнымъ дѣломъ; но способность спѣть и спѣть хорошо—для него рѣдкій и высокочтимый талантъ. Голосъ и мелодія, по мнѣнію Самоѣдовъ, главное въ лирической пѣсни; отъ содержанія требуется только, чтобы оно просто и понятно выражало обыкновенныя ощущенія и представления. Впрочемъ, въ Томской губерніи Кастреноу не удалось записать ни одной лирической импровизаціи, потому что здѣшніе Самоѣды достигли уже той степени образованія, при которой пѣсенное вдохновеніе приходитъ уже не всегда, тѣмъ менѣе по заказу.

Вотъ нѣсколько образчиковъ лирики сѣверныхъ Самоѣдовъ, помѣщенныхъ въ его *Beigebe richte und Briefe*.

1. Плачь жены на смерть мужа.

Когда меня выдали замужъ, горько плакала я объ разлукѣ съ своею матерью; поелѣ же, какъ прожила нѣсколько времени съ милымъ мужемъ, то мнѣвалось грустное воспоминаніе о моей матери. Прежде думала я, что нѣтъ болѣе печальнаго прощанія, какъ только при разлукѣ съ матерью, но теперь я думаю иначе. Умеръ мой мужъ, и я оплакиваю его сильнѣе, чѣмъ ранѣе оплакивала свою мать. Мужъ оставилъ четырехъ сыновей; забуду ли ихъ и мою печаль когда нибудь? Такова теперь моя жизнь, что одну половину моей печали потоплю въ слезахъ, другую стану облегчать пѣснями. Никогда мой мужъ не встанетъ изъ гроба, никогда я не увижу его болѣе.

2. Мщеніе жены.

Бесплодна я, за то и не любитъ меня мужъ. Есть дѣти у всѣхъ моихъ свояченицъ и онѣ пользуются любовью своихъ мужей. Въ ихъ сани мужья запрягаютъ лучшихъ

олений, а мой выбираеть самыхъ худшихъ. Каждый разъ, когда мы ѣдемъ вмѣстѣ, я должна за узду почти тащить моего оленя, а сама идти пѣшкомъ. Другіе братья моего мужа помогаютъ своимъ женамъ при крутыхъ спускахъ, чтобъ онѣ не опрокинулись; но мнѣ мой мужъ никогда. Съ этой печали однажды я сердито погнала съ горы своего оленя, наѣхала на свояковъ и сломала ихъ санки. Чтобы на будущее время отклонить отъ себя подобное наказаніе, мой мужъ началъ лучше обходиться и болѣе обо мнѣ заботиться.

3. Мщеніе мужа.

Убили они моего друга. Они связали его, положили его въ санки и увезли его прочь (изъ чума). Они увезли его на берегъ рѣки и повѣсили его между двумя соснами. „Ты, сказала убійца, „жилъ въ любовныхъ связяхъ съ моею женой, за то и долженъ расплатиться жизнью!“

4. Свадебная пѣсня.

Слушай братъ (двоюродный)! Нынѣ я мою дочь отдалъ твоему сыну,—съ тѣмъ, чтобы ей болѣе ко мнѣ не возвращаться. Смотри! вотъ оленья голова жарена на огнѣ, поэтому да не будемъ жить въ разладѣ. На всю жизнь мы вступаемъ въ родство. Прошу не поступать строго съ моею дочерью! Я училъ ее жить въ мирѣ съ своимъ мужемъ и повиноваться ему. Моя жена при всякомъ случаѣ уговаривала ее жить согласно. И такъ мы ѣдемъ теперь домой, но ты, моя дочь, не гляди на насъ и не плачь! Я отдалъ тебя замужъ за него, чтобы ты могла жить и умереть въ собственномъ чумѣ. Отецъ и мать! Поцалуйте вашу дочь и скажите ей: „прощай!“ Слѣдующія двѣ пѣсни записаны у Туруханскихъ юрацкихъ самоѣдовъ и помѣщены у Третьякова въ его сочиненіи „Туруханскій край, его природа и жители.“ С.—Петер. 1871 г. 186. Онѣ представляются въ буквальномъ переводѣ.

1.

Я жену хотѣлъ бы;

Одна голова:

Отца у меня нѣтъ,

Матери у меня нѣтъ.

Бабу хотѣлъ бы;

Но гдѣ найду?
Одна большая тундра, въ концѣ
Чумъ поставленъ;
Въ этомъ чуму
Молоденькая дѣвушка есть:
Лицо бѣленькое,
Руки очень ловкія,
Парка пестрая.
Эту дѣвушку возьму;
Сколько платы (не будетъ стоить),
Не пожалѣю.

2.

Молоденькая дѣвушка
Была бы (мосю) женою,
Взялъ бы ее, да бѣденъ я.
Наилучшая изъ всѣхъ!
Еслибъ пошла за меня,
Въ чумъ бы взялъ къ себѣ,
На трехъ оленяхъ ѣздила бы ты.
Три бѣлыхъ оленя запрягу въ сани,
Десятикопыльные сани;
Олени понесутъ такъ быстро,
Что могутъ изломаться коньля.
И убѣжалъ онъ къ дѣвкѣ.

Обращаемся къ сказкамъ и приводимъ нѣсколько ихъ образцовъ. Изъ нихъ первая записана Н. П. Григоровскимъ въ Нарымскомъ краѣ, а остальные помѣщены у Кастрена въ его *Ethnologische Vôrlesungen über die Altai-sehen Völker*, herausgeb. von A. Schiefner, S. Peters. 1857.

1.

Три человѣка хотять итти въ тайгу, послѣдніе три человѣка, а люди ушли прежде. Они сегодня говорятъ другъ другу, что итти надо. Теперь отправились въ тайгу и ночевали на дорогѣ. Пришли въ вершину рѣчки, на край болота и ночевать надо, надобно станъ конать, сибгъ отгребать.

Теперь старикъ взялъ огниво на труть высѣчь огня, а огонь къ труту не пристаесть, и онъ говоритъ: руки со-

всѣмъ зябнуть, тутъ не добудете ли вы, миѣ не до огня, руки совсѣмъ замерзли. А тогда былъ сильный морозъ, а молодой человѣкъ носилъ дрова; другой помоложе старикъ взялъ огниво высѣкать, и у него нѣтъ огня, искра не пристаегъ.

Молодой человѣкъ говоритъ старикамъ: я влѣзу на дерево; не увижу ли огня, сюда въ вершину рѣчки пришли много людей, пришли промыслять звѣрей. И влѣзъ на дерево, и недалеко увидѣлъ горящій огонь, нашель огонь.

Онъ сказалъ: близко огонь горить, ты, старикъ, иди. А самъ показалъ ему рукою. Вотъ старикъ и пошелъ, надѣвши лыжи, пришелъ къ тому огню, пришелъ въ станъ къ одному человѣку, одинокій человѣкъ стоитъ у огня.

И началъ говорить: здравствуй, братъ, и ему сказалъ: здравствуй.—Дай миѣ огня. Онъ сказалъ: не безъ огнива ли пришелъ? А ему сказалъ: трутъ отсырѣлъ и не загорается. А тотъ человѣкъ сказалъ: я дамъ тебѣ огня, а ты узнай, когда будетъ тепло? а ему сказалъ: завтра будетъ морозъ, облаковъ нѣтъ.

Онъ говоритъ: какъ ты узналъ, что завтра будетъ морозъ, я самъ Богъ, а теперь въ одну минуту можетъ сдѣлаю пасмурно и въ одинъ часъ опять выяснитъ, я и самъ не могу узнать, я не знаю, что дѣлать. Тогда тотъ человѣкъ ударилъ старика тонкимъ прутомъ и онъ сдѣлался коровою.

Тамъ они ждутъ. Молодой человѣкъ говоритъ: дошедши до огня, сѣлъ и грѣтся у огня. Другому молодой сказалъ: иди ты, старикъ, смотри, опять приходи скоро, я ужъ замерзъ. Старикъ пошелъ, старикъ подошелъ, увидѣлъ тутъ только корову, а товарища нѣтъ, а тотъ одинокій человѣкъ у стана стоитъ.

Пришедшій и говоритъ: дай миѣ огня. А онъ сказалъ: человѣкъ отъ стана! ты узнай, что будетъ завтра: тепло, или морозъ будетъ? А онъ сказалъ: завтра будетъ морозно, облаковъ нѣтъ. А онъ сказалъ: какъ ты знаешь, я самъ Богъ, а не знаю. Тотъ человѣкъ старика ударилъ тонкимъ прутомъ, и онъ сдѣлался коровою.

Сидѣвшій на деревѣ ждетъ и мерзнетъ, сколько мерзъ—спустился и, надѣвши лыжи, самъ пошелъ. И подошелъ къ стану и увидѣлъ двухъ коровъ, а товарищей нѣтъ, а только станный человѣкъ одинокій стоитъ.

И спросилъ того станнаго человѣка: дай мнѣ огня; а онъ сказалъ: узнай, что будетъ завтра—облачно или морозно? А онъ сказалъ: Богъ самъ знаетъ, а я не знаю. Онъ опять сказалъ: какъ не знаешь? А онъ, пришедшій человѣкъ, сказалъ: Богъ самъ знаетъ, а я не знаю, я не Богъ.

А онъ сказалъ: я даю огня, и началъ совать ему въ пазуху, и пазуху наполнилъ, рукавицу дай сюда, и сталъ сыпать въ рукавицу. Теперь иди назадъ въ станъ, сказалъ, огонь ужъ будетъ горѣть. Уведи этихъ коровъ. А онъ сказалъ: какъ кормить стану? а тотъ станный человѣкъ сказалъ: ты только уведи, а они станутъ кормиться верхушками деревъ, ты работай на нихъ, только не бей—тонкимъ прутомъ.

Идетъ въ станъ и видитъ, въ стану огонь горитъ, и подумалъ: однако два старика пришли. Подошелъ и стариковъ нѣтъ, а только горитъ огонь. Прийдя въ станъ, посмотрѣлъ въ рукавицу, и увидѣлъ деньги, и за пазуху посмотрѣлъ, и за пазухою нашелъ деньги. И пошелъ къ вартѣ и деньги кладетъ въ мѣшокъ, и сварилъ ужинъ, и поѣвши уснулъ.

Утромъ разсвѣтало, сталъ промышлять тутъ, и потомъ пошелъ домой. А двухъ коровъ привязалъ къ вартѣ, и коровы тащили ее. Приходить домой и привелъ коровъ. Жены товарищей не спросятъ, куда дѣвалъ моего мужа, и въ умѣ нѣтъ. На коровахъ онъ возилъ дрова, возилъ сѣно, и живетъ цѣлый годъ.

Везетъ на коровахъ толстое бревно недалеко отъ дома саженихъ въ десяти. Подошли къ тому мѣсту, и зауросили обѣ коровы, онъ беретъ пруть и бьетъ тѣхъ двухъ коровъ и онѣ дѣлаются людьми. Они говорятъ: Богъ сдѣлалъ насъ коровами; ты работалъ на насъ и дрова мы возили и возили сѣно. Теперь Богъ сдѣлалъ людьми, простилъ въ томъ грѣхѣ, теперь надобно раздѣлить Богомъ данныя деньги.

Потомъ раздѣлили деньги на трое и тутъ пошли по своимъ домамъ, приходятъ домой и находятъ женъ, и жена сказала: гдѣ ты пропадалъ годъ? а онъ сказалъ: я пошелъ въ лѣсъ, когда мы пришли на то мѣсто, Богъ сдѣлалъ насъ коровами а теперь опять сдѣлалъ людьми.

2.

Въ одномъ и томъ же мѣстѣ стоятъ-семьсотъ чумовъ. Въ семистахъ чумахъ живутъ семьсотъ человекъ. Ими управляютъ семь хозяевъ. Семь хозяевъ ходятъ и ходятъ въ гости, ничего не дѣлаютъ, только ходятъ въ гости. Эти семь хозяевъ-братья, и у всѣхъ у нихъ жены, но нѣтъ дѣтей. Только у старшаго изъ нихъ есть сынъ, еще небольшой. Онъ не ходитъ въ гости, а все спитъ и спитъ: день и ночь спитъ. Одинъ разъ отецъ говоритъ своему сыну: „Вставай и пойдемъ съ нами въ гости.“ Сынъ не хочетъ идти въ гости, ему снился дурной сонъ, ему снилось, что всѣ другіе убиты и онъ одинъ остался въ живыхъ. Онъ открываетъ свой сонъ отцу и говоритъ: „Однакожь вы можете остаться въ живыхъ, если принесете въ жертву семь и семь (четырнадцать) оленей.“ — „Что ты знаешь?“ возражаетъ отецъ; „ты спишь день и ночь и знаешь меньше, чѣмъ собака.“ — „Какъ хочешь, отецъ,“ говоритъ сынъ, и ложится опять спать. Поутру онъ просыпается и видитъ, что изъ семисотъ человекъ не осталось никого въ живыхъ, что всѣ они убиты. Онъ идетъ посмотреть оленей,—всѣ олени пали; смотритъ на собакъ,—всѣ собаки также подошли. Тутъ идетъ онъ къ санкамъ, беретъ мечъ и перерубаетъ имъ всѣ привязи чумовъ; чумы падаютъ всѣ вмѣстѣ. Затѣмъ, онъ пускается странствовать. Идетъ онъ день, идетъ два дни, три дни, идетъ цѣлыхъ семь дней. Осматривается назадъ и видитъ еще мѣсто, гдѣ упали и лежатъ семьсотъ чумовъ. Опять идетъ семь дней, осматривается назадъ,—видитъ еще два упавшихъ чума. Идетъ дальше семь дней, осматривается назадъ: теперь не видитъ больше чумовъ. Онъ снова начинаетъ идти, идетъ мѣсяць, идетъ два мѣсяца, три мѣсяца, идетъ цѣлыхъ семь мѣсяцевъ. Тутъ онъ, наконецъ устаетъ отъ ходьбы; онъ цѣлый мѣсяць шель безъ пищи: страна, по которой онъ шель, была пустыня. Онъ склонился на сибгъ. Тутъ лежитъ онъ, лежитъ онъ долго, долго; потомъ встаетъ, начинаетъ опять идти, идетъ, приходитъ на мѣсто, гдѣ прежде стоялъ чумъ. Онъ

ищетъ пищи, находитъ кусокъ кости, которую обглодали собаки. Подходить къ кости, бросаетъ ее отъ себя и начинаетъ искать другихъ костей подъ снѣгомъ. Находитъ тутъ серебрянныя серьги, кладетъ ихъ въ свою пазуху и начинаетъ опять странствовать. Идетъ, идетъ, долго идетъ онъ. Одинъ разъ въ отдаленнн онъ видитъ, что кто-то ѣдетъ на оленяхъ. Вздокъ—ѣдетъ прямо на него, приближается больше и больше; это женщина. Женщина говоритъ: „Ты идешь отъ чума; не находилъ ли ты тамъ серегъ, которыя я потеряла?“—„Да, я ихъ нашелъ и взялъ съ собою.“—„Такъ отдай мнѣ ихъ, они мои,“ проситъ женщина. «Вотъ тебѣ твои серьги, но ты доведи меня до мѣста, гдѣ живутъ люди.» Тогда женщина беретъ свое копьё и ударяетъ его копьёмъ такъ, что онъ падаетъ и остается на мѣстѣ. Женщи а беретъ серьги и уѣзжаетъ оттуда.

Убитый лежитъ и спитъ, спитъ долго; наконецъ, онъ просыпается, встаетъ и начинаетъ идти дальше. Опять приходитъ онъ къ мѣсту, гдѣ прежде стоялъ чумъ. Онъ опять начинаетъ искать пищи и находитъ кость, которую оглодали собаки. Подходить къ кости, бросаетъ ее отъ себя и ищетъ подъ снѣгомъ другихъ кусковъ костей. Тутъ онъ находитъ желѣзную лопату, беретъ лопату и начинаетъ идти. Идетъ, идетъ и видитъ опять, что кто-то ѣдетъ на оленяхъ; на встрѣчу ему ѣхала красивая нарядная женщина. Женщина говоритъ: «Куда идешь ты, бѣдный мальчикъ?» — «Я иду по свѣжимъ слѣдамъ, которые нахожу. Я голоденъ и хочу ѣсть, иначе я умру»— «Ты навѣрное идешь отъ нашей старой стоянки; не находилъ ли ты тамъ желѣзной лопаты?» спрашиваетъ женщина. „Лопату я хотя и нашелъ, но незнаю, чья она.“— „Это моя лопата, я поѣхала искать ее.“—«Я отдамъ тебѣ лопату, если ты обѣщаешься довести меня на оленяхъ до человѣческаго жилья.»—«Рада бы я свезла тебя въ нашъ чумъ,» говоритъ женщина, «только я туда не должна ѣхать, иначе тамъ умретъ человѣкъ. Я буду тебя также кормить и поить.» Онъ отдаетъ лопату, женщина беретъ его въ санки, они отправляются. Въ санкахъ женщина спрашиваетъ: «Откуда ты, бѣдный мальчикъ, такъ какъ я тебя не знаю?» Мальчикъ отвѣчаетъ: „меня не знаетъ ни кто на свѣтѣ, я сирота безъ отца, безъ матери. Было одинъ разъ семь братьевъ, они были богаты, у нихъ было семьсотъ чумовъ.“— „Я слыхала объ этихъ семи братьяхъ;

но какую же дорогою они поѣхали?» спрашиваетъ дѣвушка. «Они умерли, умерли всѣ, въ одну ночь, и въ ту же ночь пало семьсотъ ихъ оленей.» Женщина спрашиваетъ: «Знаешь ли ты, чья это пара оленей, на которыхъ ты теперь ѣдешь?»—«Какъ могу я это знать, я знаю немного, я еще не старъ; но они походятъ на оленей моего отца.» — «Какъ же зашли къ намъ олени твоего отца?» продолжаетъ спрашивать дѣвушка. «Этого я не знаю,» отвѣчаетъ мальчикъ. «Видишь ли, говоритъ женщина, твой отецъ былъ одинъ разъ здѣсь (съ этими оленями) и сваталъ меня за тебя. Твой отецъ далъ мнѣ пару этихъ оленей и эту желѣзную лопату, какъ подарокъ невѣстѣ. Онъ далъ также мечъ, но его у насъ нѣтъ; онъ украденъ.»—«Буду всячески искать мечъ,» думаетъ мальчикъ.—«Тогда ты мой мужъ,» говоритъ дѣвушка. Такъ мужъ и жена пріѣхали къ чуму и жили тамъ вмѣстѣ.

Когда они прожили тамъ нѣсколько времени, пришлось переѣхать стоянку. Запрягли оленей, но въ санки пришельца запрягли плохихъ оленей и пустили его ѣхать въ концѣ поѣзда. Съ своими плохими оленями скоро остался онъ назади. Онъ погоняетъ оленей, но они не слушаются. Вдругъ весь поѣздъ останавливается: онъ подѣзжаетъ къ своему пріемьшу. Кто-то говоритъ: «Что это за поѣздъ позади тебя.»—«Ни одного человѣка: я ѣду одинъ,» отвѣчаетъ чужой, однакожь оборачивается посмотреть назадъ. Въ ту самую минуту спрашивавшій беретъ копье и сваливаетъ его имъ на землю. Онъ остается и лежитъ, а всѣ ѣдутъ своей дорогой. Однакожь, жена остается и начинаетъ плакать надъ умершимъ. Она сидитъ на своихъ санкахъ и плачетъ. Вдругъ ея олени испугались и побѣжали за другими. Потомъ сейчасъ приходитъ къ мертвому одноногій, однорукій и одноглазый старикъ. Въ одной своей рукѣ онъ несетъ желѣзную палку. Онъ ударяетъ ею мертваго и говоритъ: «Зачѣмъ ты здѣсь лежишь? Пора вставать! Вставай и ступай назадъ; твой отецъ живъ и всѣ его братья опять ожили». «Мертвый просыпается и начинаетъ говорить самъ съ собою: «Порядочно же однако я уснулъ; но что же былъ это за человѣкъ, который сказалъ мнѣ, что отецъ мой живъ, и просилъ меня воротиться назадъ?» Онъ озирается вокругъ, но никого не видитъ и думаетъ, что это ему приснилось! Онъ ѣдетъ впередъ, пріѣзжаетъ къ чуму и ложится спать съ женою. Поутру всѣ встаютъ, собираютъ

ся переменить стоянку, запрягают оленей въ санки, даютъ чужому плохихъ оленей и пускаютъ его ѣхать послѣднимъ. Съ своими плохими оленями онъ остается позади другихъ, но они останавливаются и подѣзжаютъ къ нему. Опять спрашиваетъ прежній человѣкъ. „Что это за люди движутся позади тебя?“ — „Никого за мной нѣтъ,“ отвѣчаетъ чужой, однакожь оглядывается назадъ и въ ту же самую минуту спрашивавшій человѣкъ въ другой разъ проткнулъ его своимъ копьемъ. Тутъ его оставляютъ и жена его также уѣзжаетъ съ другими; она думаетъ такъ: „онъ не умеръ; онъ въ свое время придетъ въ чумъ.“ Когда они уѣхали, приходитъ одноногій, одиорукий и одноглазый старикъ. Онъ ударяетъ мертваго своею палкою и говоритъ: „Я еще вчера говорилъ тебѣ, что ты долженъ воротиться; что ты дѣлаешь тамъ въ чумѣ? Лучше воротись, если хочешь, чтобы твоя голова была цѣла. Твой отецъ живъ и уже долго жилъ“. „Мертвый просыпается, осматривается кругомъ и говоритъ: „что это за человѣкъ, который проситъ меня воротиться и утверждаетъ о моемъ отцѣ, что онъ живъ; онъ давно уже умеръ.“ Онъ никого не видитъ, думаетъ опять, что это ему приснилось, ѣдетъ къ чуму и ложится спать подлѣ своей жены.

На слѣдующее утро пришлось опять переменить стоянку; запрягают оленей, чужому даютъ худшихъ и пускаютъ его ѣхать позади поѣзда. Онъ остается, какъ прежде, позади прочихъ; они останавливаются, догоняютъ его. „Смотри, какъ много оленей бѣжитъ тамъ за тобою!“ говоритъ тотъ же самый человѣкъ, который убилъ его прежде два раза. Онъ осматривается назадъ; въ ту же самую минуту спрашивавшій человѣкъ проткнулъ его своимъ копьемъ. Всѣ поѣхали дальше. Тогда приходитъ одноногій, одиорукий, одноглазый старикъ, ударяетъ мертваго желѣзною палкою и говоритъ: „Въ третій разъ говорю я тебѣ: воротись! Ты былъ два раза убитъ, я оба раза воротилъ тебя къ жизни, но теперь уже больше этого не сдѣлаю.“ Онъ встаетъ, но не возвращается; идетъ къ чуму, но не входитъ въ него, а сидитъ на своихъ санкахъ. Онъ начинаетъ вздыхать, что его хотятъ убить. Тутъ онъ вынимаетъ луки изъ санокъ, портитъ ихъ всѣ, идетъ къ санкамъ жены, беретъ оттуда ту самую желѣзную лопату, которую онъ нашелъ и отдалъ ей, разбиваетъ лопаткою всѣ чумы. Люди бѣгутъ вонъ, онъ нападаетъ на

нихъ съ лопатой. Вбѣгутъ къ лукамъ, но они стали ни къ чему негодны. Онъ продолжаетъ рубить, рубить и бьетъ ихъ всѣхъ. Жены своей онъ не бьетъ, также не бьетъ ея отца, мать и ихъ дѣтей. Тутъ начинаетъ онъ разсматривать трупы, но не находитъ того, кто отнялъ у него три раза жизнь. Этотъ ушелъ, но слѣды его ясно видны были на снѣгу. Онъ начинаетъ бѣжать по слѣдамъ, бѣжить долго, наконецъ, достигаетъ его. Тутъ начали два эти человѣка драться между собою; они дерутся цѣлую зиму на томъ же самомъ мѣстѣ, они дерутся пока падаютъ оба и умираютъ. Тутъ лежатъ они цѣлое лѣто и гниютъ. Прибѣгаютъ лисицы, прибѣгаютъ волки, съѣдаютъ трупы, пожираютъ все, кромѣ костей. Потомъ приходитъ осень; приходитъ также одноногій, однорукій, одноглазый старикъ. Онъ говоритъ чужому человѣку: „Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что ты долженъ воротиться. Теперь я говорю тебѣ это въ послѣдній разъ; послѣ моя власть будетъ уже не въ силахъ помочь тебѣ.“ Онъ беретъ его кости, соединяетъ ихъ всѣ, даже самые маленькіе кусочки, кладетъ ихъ въ свой мѣшокъ, беретъ мѣшокъ на спину и идетъ своей дорогой. Пройдя нѣсколько времени, приходитъ онъ къ большому камню. Онъ ударяетъ въ камень, камень валится въ сторону. Подъ камнемъ—яма, старикъ спускается въ яму. Тамъ есть темное, мрачное мѣсто, гдѣ кричатъ, свистятъ, поютъ. У старика хотѣтъ отнять мѣшокъ. Онъ видитъ впереди что-то свѣтлое, похожее на окно. При сіяніи свѣта, замѣчаетъ онъ людей голыхъ, безъ шапокъ, безъ одежды, съ одиными простыми, обнаженными костями. Зубы во рту оскалены. Старикъ выходитъ на свѣтъ, видитъ чумъ, входитъ въ чумъ: тамъ нѣтъ никого, кромѣ женщины. Она сидитъ у очага. На другой сторонѣ стоятъ два чудища; они не движутся, не говорить; глаза ихъ огромны и стоятъ прямо (вертикально) въ головѣ. Старикъ бросаетъ мѣшокъ на землю и говоритъ старухѣ: „Вотъ тебѣ дрова, брось ихъ въ огонь.“ „Хорошо, что ты ихъ принесъ,“ отвѣчаетъ старуха, и „была уже совсѣмъ безъ дровъ.“ Старуха разводитъ огонь, бросаетъ кости въ огонь; онѣ сгораютъ до-золы. Старуха беретъ золу, разсыпаетъ ее по постели и ложится потомъ спать на золѣ. Три дня спустя, изъ золы рождается человѣкъ. — Онъ начинаетъ спрашивать самого себя: „Что это за темное мѣсто, гдѣ я спалъ?“ Онъ встаетъ, озирается вокругъ. Въ чумѣ нѣтъ отверстія для выхода дыма. Онъ хочетъ выдти, но не находитъ двери; ищетъ стѣны, онѣ желѣзныя. Онъ говоритъ старухѣ: „Я хочу выдти,

чумамъ; здѣсь были всѣ мертвы, народъ померъ и олени пали. Такъ умерли всѣ, и онъ былъ опять одинъ, послѣ того какъ убилъ одноногого, однорукаго, одноглазаго старика.

3.

Въ одномъ и томъ же чумѣ живутъ двѣ женщины: одна—молодая, другая—старуха. У молодой было двое дѣтей, старая была бездѣтна. Молодая шьетъ своимъ дѣтямъ платье, старая лежитъ безъ всякаго дѣла. Одинъ разъ бездѣтная говоритъ другой: «Пойдемъ и нарвемъ травы на обертки.» (*) Другая отвѣчаетъ: «Миѣ некогда, я должна шить дѣтямъ платье. Однакожь она идетъ. Въ то время, когда онѣ рвали въ полѣ траву, бездѣтная беретъ свой ножъ и закалываетъ ту женщину, у которой двое дѣтей. Она разводитъ огонь, жаритъ мясо, ѣсть его.—Головы она не ѣстъ, хочетъ съѣсть ее въ другой разъ. Она идетъ въ чумъ; дѣти спрашиваютъ: «Гдѣ мать?»—«Мать рветъ траву на обертки, какъ нарветъ, такъ и придетъ,» отвѣчаетъ старуха и ложится спать поперекъ порога, чтобы дѣти не выбрались вонъ; она думаетъ съѣсть и ихъ, когда проснется. Пока она тутъ спитъ, старшая дѣвочка тихо вышолзаетъ изъ балагана. (**) Старуха спитъ, а дѣвочка выходитъ въ двери. Она находитъ голову матери и думаетъ такъ: „Старуха съѣла мою мать; когда она проснется, то съѣстъ меня и мою сестру.“ Она ловитъ двухъ живыхъ птицъ, сажаетъ ихъ въ балаганъ и бѣжитъ оттуда съ своей сестрой. Старуха спитъ семь дней, просыпается, идетъ къ балагану и хочетъ теперь съѣсть дѣтей; однакожь находитъ только двухъ птицъ. «Вы отъ меня не уйдете,» думаетъ старуха, и пускается бѣжать за дѣвочками. Она бѣжитъ семь дней, настигаетъ ихъ и хочетъ схватить младшую дѣвочку, которая бѣжитъ по-

---

(*) Для теплоты Самоѣды обертываютъ ноги вмѣсто онучъ или портянокъ, травою. Въ Нарымскомъ краѣ Томской губерніи трава эта называется *песочною*, потому что растетъ по песчанымъ берегамъ Оби.

(**) Такъ называется родъ небольшой полотняной палатки или полога, подъ которымъ спать въ ограждение себя отъ мошки и комаровъ; по самоѣдски балаганъ называется *іезерь*.

но не нахожу двери.“ Старуха встаетъ, ударяетъ ногою въ стѣну; стѣна открывается. Онъ выходитъ вонъ, сейчасъ же возвращается, видитъ обоихъ чудищъ, пугается и падаетъ носомъ внизъ. Встаетъ и спрашиваетъ старуху; „Что это у тебя за чудища,—люди ли это или дикіе звѣри?“ Старуха отвѣчаетъ: „Они не дикіе звѣри, они мои родители.—„Говорятъ ли они, ѣдятъ ли и что они дѣлаютъ?“—„Они не говорятъ, не ѣдятъ, ровно ничего не дѣлаютъ.—„Что же они такое и такими ли были всегда?—„Разумѣется, не всегда; въ свое время они были отличными людьми;—потомъ стали камнями и до сихъ поръ камни; они ничего не слышатъ, ничего не видятъ и ничего не знаютъ.“—Старуха говоритъ чужому человѣку: „Чего ты больше всего желаешь?“ Чужой отвѣчаетъ: „Если бы я зналъ, гдѣ живетъ моя жена, то я желалъ бы больше всего идти къ ней.“—„Поживи немного у меня, скоро придутъ мои олени и они увезутъ тебя отсюда. Но ты долженъ взять меня въ жены, не то я превращу тебя въ камень.“ Теперь чужой замѣтилъ, что старуха двухъ человѣкъ, которые стояли у очага, превратила въ камни и испугался, чтобы того же самаго не случилось и съ нимъ, если онъ откажется взять старуху въ жены. Поэтому онъ сказалъ: „Ладно, я возьму тебя второю женой.“ Такъ живутъ они въ чумѣ три дня вмѣстѣ. Потомъ пришли олени. Мужъ и жена сѣли въ санки и поѣхали оттуда. Сперва ѣхали они темными мѣстами. Исхудалые люди бѣгутъ за ними и хотятъ заколотъ чужаго копьями, но не могутъ догнать его, потому что онъ ѣдетъ на оленяхъ. Наконецъ, они пріѣзжаютъ на ясный (бѣлый) свѣтъ. Старуха говоритъ своему мужу: „Надвинь тутъ камень на яму!“ Онъ пытается подвинуть камень, но не можетъ тронуть его съ мѣста. Старуха толкаетъ его ногою на яму. Они уѣзжаютъ, ѣдутъ долго, долго, видятъ чумъ, ѣдутъ къ чуму. Здѣсь чужой человѣкъ находитъ первую свою жену, ея мать и отца. Онъ беретъ обоихъ женъ и родителей первой своей жены съ собою; такъ ѣдетъ онъ на первую свою родину. Когда онъ подъѣзжаетъ близко къ родинѣ, видитъ всѣ семьсотъ чумовъ, много народа и много оленей. Всѣ они ожили. Проѣхавъ еще немного, видитъ онъ одноногого, однорукаго, одноглазаго старика. Старикъ бѣжитъ къ нему и со старикомъ бѣжитъ другой человѣкъ,—тотъ самый, который убилъ его три раза. Онъ начинаетъ биться съ своимъ убійцей и убиваетъ его. При этомъ онъ терлетъ сознание и въ безуміи убиваетъ однорукаго старика. Потомъ онъ ѣдетъ къ

зади. Старшая бросает позади себя гольшищ. Сейчас же между ними протекает рѣка, крутыя горы поднимаются по обѣимъ берегамъ рѣки. Старуха останавливается за рѣкою, дѣвочки убѣгаютъ. Рѣка течетъ семь дней и исчезаетъ. Старуха опять преслѣдуетъ дѣтей; она бѣжитъ семь дней, настигаетъ дѣвочекъ, хочетъ схватить меньшую. Старшая бросаетъ позади себя камень, и сейчас же поднимается высокая гора. Старуха остается за горою. Семь дней спустя, исчезаетъ гора. Старуха опять пускается бѣжать. Она бѣжитъ семь дней, настигаетъ дѣвочекъ и хочетъ схватить младшую. Старшая бросаетъ позади себя гребенку. Тутъ поднимается густой лѣсъ, такой густой, что старуха не можетъ пробраться черезъ него. Лѣсъ исчезаетъ черезъ семь дней; тутъ старухѣ приходится вновь преслѣдовать. Когда дѣти бѣжали три дни, то прибѣжали къ мѣсту, гдѣ недавно стоялъ чумъ. Тутъ сидятъ теперь семь воронъ и ѣдятъ олений помѣтъ. Старшая дѣвочка говоритъ одной воронѣ: «Матушка, покажи намъ дорогу къ тому мѣсту, гдѣ живутъ люди.» Ворона отвѣчаетъ: «Идите все дальше и дальше впередъ, такъ придете вы къ синему морю. Тамъ вы найдете семь чаекъ, которыя укажутъ вамъ дорогу къ людямъ.» Дѣвочки опять бѣгутъ семь дней, приходятъ къ синему морю, находятъ семь чаекъ. Онѣ ѣдятъ тюленье мясо. Старшая дѣвочка говоритъ одной чайкѣ: «Матушка, куда мы должны идти, чтобы найти людей?» Чайка отвѣчаетъ: «Идите вдоль морскаго берега, тамъ между двумя морями есть островъ. На островѣ живетъ старуха: она перевезетъ васъ черезъ проливъ.» Дѣвушки бѣгутъ семь дней, приходятъ прямо на островъ, видятъ чумъ, начинаютъ кричать лодку. Старуха выходитъ изъ чума. Она начинаетъ спрашивать дѣвочекъ: «Каковъ у меня видъ?» «Онъ сілетъ, какъ солнце,» отвѣчаетъ старшая дѣвочка: «Какова у меня грудь?»—«Прекрасна, какъ оленья селезенка»—«Каковы руки и ноги?»—«Полны и жирны, какъ мясо морскаго звѣря.» Старуха испускаетъ крикъ, бобръ приплываетъ къ дѣвочкамъ и перевозитъ ихъ черезъ проливъ.

Только что удалось имъ достигнуть острова, какъ сѣдая старуха поспѣшаетъ къ дѣвочкамъ. Она стоитъ на берегу и проситъ другую старуху перевезти ихъ черезъ проливъ. Старуха съ острова спрашиваетъ сѣдую старуху: «Каковъ у меня видъ?»—«Твой видъ мерзокъ, какъ задняя часть у звѣря,» отвѣчаетъ сѣдая старуха. «Какова у меня грудь?»—«Какъ грудь у собаки.»—«Каковы у меня руки и

ноги?» — «Онѣ какъ ручки ложекъ.» — «Что ты видишь на дорогѣ?» спрашиваетъ дальше старуха съ острова: «Семь воронъ,» отвѣчаетъ сѣдая старуха: «Каково онѣ живутъ?» — «Очень душно; я полагаю, что онѣ подошли, онѣ ѣли оленій пометъ.» — «Что ты видишь дальше?» — «Семь чаекъ.» — «Какъ живутъ онѣ?» — «Худо; онѣ ѣдятъ только тюленье мясо.» Старуха съ острова кричитъ, бѣлуга подплываетъ къ сѣдой старухѣ. Старуха съ острова говоритъ: «Садись на бѣлугу.» — «Какъ могу я здѣсь сѣсть, спина остра и колка; я не могу здѣсь сидѣть.» — «Скажи мнѣ, какъ переплыли дѣвочки черезъ проливъ?» спрашиваетъ сѣдая старуха. «На этой же бѣлугѣ,» отвѣчаетъ старуха съ острова. Тутъ сѣдая старуха садится на спину. Бѣлуга плыветъ дальше отъ острова, плыветъ дальше и дальше и утопляетъ старуху.

Дѣвочки живутъ у старухи на островѣ, онѣ живутъ тамъ долго. Старшая начинаетъ скучать, она говоритъ старухѣ: «Покажи намъ другое мѣсто, гдѣ больше живетъ людей.» Старуха говоритъ: «Идите по тропинкѣ вдоль острова; вы придете къ берегу; подлѣ берега мель, на мели мѣдная лодка. Садитесь въ лодку; безъ весла, безъ паруса, она привезетъ васъ къ людямъ. Но въ лодкѣ лежитъ много опасныхъ вещей—топоръ, ножъ, буравъ. Не прикасайтесь къ нимъ, а ты, старшая сестра, смотри за младшею, чтобы она не трогала ихъ руками. Если вы возьмете эти вещи въ руки, то онѣ убьютъ васъ и лодка остановится. Поэтому сидите смиренно, а когда приплывете, то скажите лодкѣ: лодка, плыви назадъ, къ мѣсту, отъ котораго мы отплыли; тогда моя лодка приплыветъ опять сюда.» Дѣвочки пошли тропинкою, пришли къ берегу; подлѣ берега мель, на мели лодка, въ лодкѣ топоръ, ножъ, буравъ. Дѣвочки столкнули лодку въ воду и сѣли сами въ нее. Лодка плыветъ сама собою; плыветъ она черезъ многія моря, приплываетъ наконецъ къ одной рѣкѣ и поднимается вверхъ по теченію. На берегахъ рѣки растутъ разныя деревья—березы, сосны, черемуха. Въ одномъ мѣстѣ поднимаются двѣ толстыя лиственницы. Онѣ стоятъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, верхушки ихъ срослись вмѣстѣ. «Посмотри—какіе высокіе кусты,» говоритъ старшая сестра. Младшая беретъ ножъ, чтобы отрѣзать вѣтвь отъ дерева. Ножъ поражаетъ ее наповаль, она умираетъ и лодка останавливается у берега. Старшая вынимаетъ мертвую сестру изъ лодки и говоритъ: «Лодка, плыви назадъ туда, откуда приплыла.» Тотчасъ же лодка

возвратилась назадъ. Теперь старшая идетъ, чтобы похоронить мертвую сестру и несетъ ее въ сосновый лѣсъ.— Посредствомъ волшебнаго бубна она спрашиваетъ свою сестру: «Гдѣ я должна похоронить тебя, сестрица, не здѣсь ли?» Сестра отвѣчаетъ: «Не хорони меня въ сосновомъ лѣсу, тутъ ходять люди и испугаютъ меня.» Она несетъ ее дальше, видитъ березовый лѣсъ, спрашиваетъ опять посредствомъ волшебнаго бубна: «Не похоронить ли тебя здѣсь?»—Сестра отвѣчаетъ: «Не хорони меня въ березовомъ лѣсу, тутъ ходять люди, рубятъ березы и испугаютъ меня.» Она несетъ ее еще дальше, приходитъ въ еловый лѣсъ, спрашиваетъ посредствомъ волшебнаго бубна: «Можно ли похоронить тебя въ еловомъ лѣсу?» Сестра отвѣчаетъ: «Не хорони меня въ еловомъ лѣсу, тутъ ходять дѣти, ломаютъ вѣтви и испугаютъ меня.» Тутъ сестра устала отъ ноши, видитъ березовый кустъ и говоритъ: «Вотъ гдѣ похороню я тебя; руки мои болятъ, я не могу больше тебя носить.» Она приходитъ къ кусту, находитъ тамъ волчью нору, кладетъ сестру. Сама идетъ она своею дорогою, идетъ дальше, идетъ многіе мѣсяцы.

Настала зима, она все еще идетъ. Нападаетъ на тропинку, идетъ по тропинкѣ, приходитъ къ рѣкѣ; на рѣкѣ стоятъ двѣ нарты, олени запряжены: въ одну пестрый, въ другую бѣлоблестящій олень. Людей никого нѣтъ. Дѣвушка думаетъ: «Подожду я людей, они вѣрно придутъ, они ушли въ лѣсъ.» Ждетъ она цѣлый день, ждетъ до вечера. Въ вечеру приходятъ изъ лѣса двое мужчинъ. Одинъ спрашиваетъ дѣвушку: «Не хочешь ли ѣхать съ нами въ санкахъ къ намъ домой?»—«Нѣтъ,» отвѣчаетъ дѣвушка, «я пойду пѣшкомъ; я стыжусь мужчинъ.» Мужчина постарше, у котораго былъ бѣло-блестящій олень, говоритъ младшему: «Бери дѣвушку и сажай ее въ санки.»—«Я никого не возьму въ свои санки, бери ее самъ,» отвѣчаетъ тотъ.— Старшій мужчина, у котораго былъ бѣло-блестящій олень, беретъ дѣвушку въ санки и отвозитъ ее домой. Тутъ стоитъ чумъ подлѣ чума и надъ всѣми этими чумами только два хозяина. У каждаго изъ нихъ по сыну. Мужчины, которые пришли изъ лѣсу, были ихъ дѣти. Дѣвушка начинаетъ здѣсь жить; старшій изъ обонхъ мужчинъ беретъ ее въ жены. Они живутъ долго вмѣстѣ.

Одинъ разъ нужно было перемѣнить стоянку, ѣхали день, два дня, три дня; потомъ остановились. Ночью на-

стала непогода и волкъ разогналъ оленей. На другой день оба сына отправились отыскивать оленей. Они ѣхали по разнымъ направлениямъ. Въ одномъ мѣстѣ олени старшаго мужчины перепугались. Онъ начинаеть осматривать, отчего испугались олени, видить волчью нору, слышитъ-воютъ волчата, слышитъ также плачь, прислушивается, прислушивается—это плачетъ тамъ женщина. Онъ говоритъ: «Не плачь, дитяtko, отецъ принесеть тебѣ мяса!» Онъ уѣзжаетъ оттуда. Отецъ спрашиваетъ: «Нашель ли ты оленей?» Сынъ отвѣчаетъ: «Оленей я не нашель,» однакожь ничего не говоритъ о чудѣ, которое онъ видѣлъ. Ночью онъ открываетъ все своей женѣ, рассказываетъ, какъ волчата выли и плакала женщина. Жена говоритъ: «Не сестра ли моя это плачетъ: я похоронила ее тамъ. Поѣдемъ туда.» На слѣдующій день поѣхали они всѣ къ волчьей норѣ. Пріѣхали на мѣсто, волкъ убѣжалъ, волчата и женщина были тамъ. Волчатъ побили, а женщину взяли и привезли ее въ чумъ. Она была безъ памяти, только кричала. Развели огонь и посадили ее у огня. Она смотритъ на пламя и, смотрѣвъ на него долго, просыпается и говоритъ: «Что, я долго спала?—«Долго, сестрица, очень долго. Мы плыли на лодкѣ, которую дала намъ старуха на островѣ, ты ранила себя и умерла. Я похоронила тебя въ волчьей норѣ, и тамъ мой мужъ слышалъ вчера, какъ ты плакала.» Младшая сестра стала жить въ томъ чумѣ, куда ее привезли. Она стала женою младшаго сына, у котораго былъ пестрый олень.

4.

Была деревня. Въ деревнѣ было семьсотъ чумовъ. Въ семисотомъ чумѣ спорять дѣти; играютъ они и спорять. Одни говорятъ: „У насъ самый лучший тадибей.“⁽¹⁾ А другіе: „У насъ еще лучше.“ Какъ они спорять, начинаютъ также въ чумѣ спорить и сами тадибей. Они спорить и спорять, каждый считаетъ себя лучшимъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ говоритъ: „Тотъ тадибей, кто можетъ поставить мѣсяцъ на ладонь.“—„Этого не можетъ никто,“ говоритъ другой.—«Я могу,» говоритъ первый.—„Покажи, что можешь,“ говоритъ опять другой. Тади-

(1) Такъ называется по самоѣдски шаманъ или чародѣй.

бей ставить мѣсяць на ладонь. Вотъ и лежитъ мѣсяць на ладони, но въ юртѣ дѣлается холодно, такъ холодно, что народъ не можетъ согрѣться. Разводятъ одинъ за другимъ огонь, одѣваются въ малицу и совикъ ⁽²⁾, однако же все мерзнуть. Тутъ плохой тадибей проситъ хорошаго, чтобы онъ опять поставилъ мѣсяць на небо. Онъ дѣлаетъ это. Опять начинаютъ спорить тадибей. Плохой чародѣй все еще хочетъ выдать себя за такого же, какъ и тотъ, который поставилъ мѣсяць на ладонь, а потомъ опять на небо. Хорошій чародѣй говоритъ: «Тотъ не тадибей, кто не можегъ поставить солнце на ладонь.»—«А ты можешь?» спрашиваетъ другой.—«Могу,» говоритъ хорошій тадибей и сей-часъ же ставитъ онъ солнце на ладонь. Но тутъ въ чумѣ стало такъ жарко, что весь народъ готовъ помереть отъ жара. Плохой чародѣй проситъ хорошаго, чтобы онъ опять поставилъ солнце на небо. Хорошій тадибей ставитъ тогда солнце опять на небо. Потомъ говоритъ онъ плохому: „Давай сдѣлаемъ гусями и поживемъ такъ нѣсколько времени.“ Сказано, сдѣлано. Оба тадибей дѣлаются гусями и улетаютъ, далеко улетаютъ до Новой Земли. Здѣсь они становятся каждый свой чумъ, хорошій дѣлаетъ свой чумъ изъ сукна, а плохой изъ череповъ оленей. Пришла весна. Тутъ плохой чародѣй говоритъ: „Давай соберемъ гусынь, какъ и другіе гуси.“—«Это не годится,» отвѣчаетъ хорошій, «потому что если мы соберемъ гусынь, то у насъ будутъ гусенята, а будутъ у насъ гусенята, насъ поймають. Нѣтъ, полетимъ дальше, потому что скоро мы станемъ лиять, а это мѣсто не безопасно.» Такъ и сдѣлали, полетѣли дальше и прилетѣли къ рѣкѣ, которая была наполнена гусями. Гуси держали караулъ день и ночь. Каждый, когда придетъ очередь, долженъ былъ караулить. Пришла очередь до одного изъ двухъ тадибеевъ, до того, кто выстроилъ себѣ чумъ изъ оленьихъ череповъ. Когда онъ стоитъ на караулѣ, приходитъ одноглазый Самоѣдъ поохотиться.

---

(2) Малица—родъ сорочки, шьется изъ оленьей шкуры, безъ ворота, длиною до колѣна, съ рукавами и пришитыми рукавицами, шерстью къ тѣлу. Совикъ или парка—то же самое, что и малица, только гораздо длиннѣе, безъ рукавицъ, хотя и съ рукавами, и съ пришитою сверху шапкою; надѣвается сверхъ малицы, шерстью на ружу.

При немъ собака, которая бѣжитъ на трехъ ногахъ. Собака гонитъ гусей, гонитъ и многихъ умерщляетъ. Самоѣдъ идетъ за ней и собираетъ гусей, которыхъ умертвила собака. Собака гонитъ только гусей, хочетъ поймать плохого тадибея, который поставилъ себѣ юрту изъ оленьихъ череповъ. Она хватаетъ его за клювъ. Хорошій тадибей, который былъ въ отлучкѣ, возвращается и освобождаетъ своего товарища. Три раза схватываетъ собака плохого тадибея, три раза освобождаетъ его хорошій. Собака гонитъ гусей все дальше и дальше, рѣка дѣлается все уже и уже и, наконецъ, такъ мелѣетъ, что гусямъ некуда нырнуть. «Мы пропали,» говоритъ плохой тадибей: «что дѣлать? Здѣсь намъ некуда нырнуть, а если мы выйдемъ на берегъ, то не можемъ бѣжать въ запуски съ собакою.» Хорошій говоритъ: «Давай попытаемся; берегъ не великъ. Скоро мы придемъ къ морю и тамъ есть островъ, къ нему то мы и направимся бѣжать.» Тутъ пустились они бѣжать по берегу, пробѣжали берегъ, переплыли проливъ и добрались до острова. Тутъ плохой сталъ ѣсть траву, а хорошій мохъ. Плохой говоритъ хорошему: „Ты долженъ ѣсть траву, такъ чтобы крылья твои отросли и мы могли улетѣть отсюда. Посмотри, какъ много выросли уже мои крылья, а у тебя ихъ совсѣмъ нѣтъ. Скоро я улечу и долженъ буду оставить тебя здѣсь.“ Такъ говоритъ плохой, а хорошій продолжаетъ ѣсть мохъ. Крылья его не отрастаютъ, а у плохого уже выросли и онъ улетаетъ. Онъ летитъ на другой островъ и превращается здѣсь въ цырка. Приходятъ дѣти и убиваютъ его. Когда плохой улетѣлъ, хорошій началъ ѣсть траву и его крылья тотчасъ же выросли въ сажень длиною. Тогда онъ полетѣлъ на свою родину и началъ жить тамъ человѣкомъ.

5.

Два Самоѣда живутъ въ одномъ пустомъ мѣстѣ, ловятъ лисицъ, соболей, медвѣдей. Случилось такъ, что одинъ изъ нихъ уѣхалъ, а другой остался дома. Ѣдетъ онъ: старуха рубитъ березу, онъ подходитъ къ старухѣ, говоритъ: «Какъ же ты рубишь, старуха! Ты рубишь вокругъ, этакъ ты никогда не свалишь дерева. Руби съ двухъ сторонъ! Пусти меня порубить!» Онъ беретъ изъ санокъ топоръ, начинаетъ рубить въ другомъ мѣстѣ, рубитъ съ двухъ сторонъ, валитъ дерево. Онъ кладетъ на санки, везетъ его къ чуму старухи. Самоѣдъ кладетъ де-

рево на землю, старуха говоритъ: „Спрячься, такъ чтобы тебя никто не видалъ.“ Онъ спрятался; старуха осталась и стоитъ на холмѣ. Семь дѣвушекъ приходятъ къ ней. „Кто срубилъ тебѣ это дерево? Сама ты рубишь не такъ. Кто у тебя?“ «У меня никого нѣтъ; сама свалила я дерево,» говоритъ старуха. Дѣвушки сей-часъ же ушли прочь, не входя въ чумъ. Самоѣдъ выходитъ оттуда, гдѣ спрятался, идетъ къ старухѣ.—Старуха говоритъ: «Въ темномъ лѣсу есть озеро, длинное озеро, иди туда. Когда ты туда придешь, начнутъ семь дѣвушекъ плавать: платье свое онѣ оставятъ на берегу. Подкрадись къ нему потише, возьми платье одной изъ дѣвушекъ и спрячь его.» Самоѣдъ отправился, пришелъ къ озеру, взялъ лучшее платье и спряталъ его. Семь дѣвушекъ плаваютъ, выходятъ на берегъ, начинаютъ одѣваться: платье одной дѣвишки исчезло. Она бросается опять въ озеро, другія уходятъ. Она плачетъ въ озерѣ, не знаетъ кто взялъ ее платье, говоритъ: «я буду женою того, кто взялъ мое платье, если онъ отдастъ мнѣ платье назадъ.» Самоѣдъ не вѣритъ дѣвушкѣ, еще удерживается. Дѣвушка въ озерѣ думаетъ и говоритъ сама себѣ: „У нашей старухи есть еще старшая сестра, у той есть сынъ; если онъ взялъ мое платье, то я буду его женою.“ Тутъ мужчина вышелъ, дѣвушка смотритъ на него. «Въ самомъ дѣлѣ, ты племянникъ нашей старухи! Отдай мнѣ мое платье, такъ я буду твоею женою.»—«Если я отдамъ тебѣ платье, ты опять унесешься на небо, какъ же ты сблаеться моею!»—«Повѣрь, буду твоею женою! Отдай мнѣ платье, я зябну.»—«Недалеко отсюда, въ скрытномъ мѣстѣ живутъ вмѣстѣ семь Самоѣдовъ. Они шатаются вокругъ и много преказничаютъ; когда они приходятъ домой, то вынимаютъ свои сердца и вѣшаютъ ихъ на жерди чума. Если ты достанешь мнѣ эти семь сердецъ, такъ я отдамъ тебѣ твое платье, иначе ты его не получишь, хоть умирай на этомъ мѣстѣ.»—«Я возьму эти сердца,—отдай мнѣ платье.»—«Не отдамъ, пока ты не скажешь, какъ ты хочешь взять сердца семи сыновей.»—«Пойду ночью и возьму ихъ.»—«Этакъ ты ихъ не возьмешь; многіе пытались на это, да никому не удалось. Подплыви ко мнѣ поближе, такъ я тебя научу, какъ тебѣ ихъ осилить.» Она подплываетъ ближе къ берегу, Самоѣдъ говоритъ: «Они украли у меня сестру, ея то и нужно взять на помощь. Иди къ сестрѣ, она караулитъ всѣ сердца и отъ нея ты должна ихъ добиться.» Такъ они условились, и онъ отдалъ дѣвушкѣ платье. Она

одѣлась и онъ сталъ требовать срока, въ теченіи котораго долженъ получить сердца: «Черезъ пять дней я прѣйду къ тебѣ съ моимъ райдомъ (3) и чумомъ,» отвѣчаетъ дѣвушка. Самоѣдъ возвращается въ свой чумъ къ товарищу. Тотъ спрашиваетъ: «Гдѣ ты былъ, что видѣлъ?»—«Нигдѣ я не былъ, ничего не видалъ.» Товарищъ говоритъ: Видно, что ты былъ у сестры нашего отца! Мать убили семь братьевъ безъ сердецъ, убьютъ они и тебя, если ты будешь ходить туда; не ходи никогда къ старухѣ.»

Живутъ они пять дней; на пятый день съ воздуха приходитъ дѣвушка съ своимъ райдомъ и чумомъ и становится его женою.—«Давай пойдемъ къ семи братьямъ,» говоритъ жена. «Посмотримъ, нельзя ли овладѣть ихъ сердцами.»—Они пришли къ ихъ чуму; братьевъ не было дома, въ чумѣ были только жены. Мужъ и жена идутъ въ чумъ, жену никто не видитъ. Мужъ видѣнъ; говоритъ сестрѣ: «Куда семь братьевъ кладутъ свои сердца, когда они возвращаются домой?»—«Тамъ на жерди чума кладутъ они ихъ на ночь и спятъ всегда безъ сердецъ.» Сестра продолжаетъ: «Они довѣряютъ мнѣ, и когда вечеромъ возвращаются домой, то я беру блюда и иду отъ одного брата къ другому. Каждый кладетъ свое сердце на блюдо; я вѣшаю сердца на жерди.»—«Ты возьми блюдо, сними сердца съ жердей и положи ихъ на блюдо. Утромъ они потребуютъ отъ тебя свои сердца, но ты брось сердца шести младшихъ братьевъ куда хочешь—они могутъ умереть,—но съ сердцемъ старшаго брата ты ступай къ нему и скажи: «Если мать моя снова будетъ жива, то я отдамъ тебѣ твое сердце; иначе нѣтъ.»

Около ночи Самоѣдъ съ женою идетъ домой. Жена его говоритъ: «Не ходи ты къ нимъ, дай мнѣ взять сердца, я пойду одна.»—Ночью она возвращается.—Семь братьевъ еще ужинаютъ; никто ее не видитъ. Они оканчиваютъ свой ужинъ, разстилаютъ оленьи шкуры и ложатся на нихъ спать. Сестра беретъ блюдо, они кладутъ на него каждый свое сердце. Потомъ она относитъ сердца на опредѣленное мѣсто. «Какъ ты небрежно уносишь наши сердца,» говоритъ одинъ изъ братьевъ.—«Она будетъ ихъ караулить,» говоритъ старшій братъ. Когда они заснули, жена ушла съ сердцами. Она пришла съ сердцами къ мужу.

---

(3) Рядъ вьючныхъ оленей.

Когда стало разсвѣтать, мужъ пошелъ съ сердцами къ братьямъ: они собираются уже умирать. Всякій просить о своемъ сердцѣ. Онъ бросаетъ ихъ на землю, и какъ только онъ бросаетъ сердца, братья умираютъ. Такъ умерли шесть старшихъ братьевъ. Сердце старшаго брата онъ не бросаетъ на землю. Когда тотъ все больше и больше просить о своемъ сердцѣ, мужъ говоритъ: «Ты убилъ мою мать, сдѣлай ее снова живою, тогда я отдамъ тебѣ твое сердце.»—«Отдай мнѣ сперва сердце, тогда я разбужу ее къ жизни.»—«Если ты не сдѣлаешь ее сперва живою, то никогда не получишь сердца.» Тогда старшій братъ говоритъ своей женѣ: «Иди на то мѣсто, гдѣ лежитъ мертвая, тамъ есть мѣшочекъ, принеси мнѣ этотъ мѣшочекъ, въ мѣшочкѣ—духъ.» Жена приноситъ мѣшочекъ. Иди къ своей мертвой матери, потряси мѣшочекъ, и пусть духъ разойдется по всѣмъ костямъ, тогда она будетъ опять жива.» Онъ отправился къ матери и сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ Самоѣдъ; мать стала опять жива. Онъ послалъ мать въ свой чумъ, самъ же пошелъ къ сестрѣ. Тамъ Самоѣдъ еще живъ. Онъ бросилъ его сердце на землю; тутъ умеръ и онъ. Братъ уходитъ вмѣстѣ съ сестрою. Потомъ опять онъ идетъ къ сестрѣ отца; она опять на томъ же мѣстѣ въ лѣсу. Она говоритъ: «Что, семь тебя еще не убили?»—«Нѣтъ, тѣмъ болѣе, что мы ихъ убили; но какъ у насъ идетъ дѣло?» Сестра отца говоритъ: «Здѣсь ножъ твоей жены, я отдамъ тебѣ ножъ, отдай его женѣ и пусть она дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ; я сама скоро приду къ вамъ.»

Самоѣдъ приходитъ домой, отдаетъ ножъ женѣ, просить ее дѣлать съ нимъ, что хочетъ. Жена беретъ съ тѣмъ вмѣстѣ сердца всѣхъ находившихся въ чумѣ также сердце мужа и свое собственное и бросаетъ ихъ на воздухъ. Приходитъ сестра отца, видитъ, что всѣ безъ сердца, говоритъ: «Всѣ они безъ сердца, они ни живы, ни мертвы; что я буду дѣлать? Пойду къ длинному озеру; можетъ быть, тамъ опять найду когонибудь.» Шестъ сестеръ опять купаются въ озерѣ; она беретъ лучшее платье и прячетъ его. Онѣ плачутъ и жалуются: «Мы не знаемъ, какою дорогою ушла сестра.» Онѣ плывутъ, приближаются къ берегу; одна опять не находитъ своего платья, бросается въ озеро, остальные уходятъ, Дѣвушка плачетъ: „Я стала бы женою того, кто взялъ мое платье, и оживила бы какого угодно мертваго, если бы только

получила мое платье. Въ воздухѣ мы поймали много сердцецъ, этимъ я могу помочь мертвому.“ Старуха выходитъ: «Вотъ, твое платье здѣсь!»—«Отдай мнѣ платье; я исполню все, что обѣщала.»—«Если ты отдашь мнѣ всѣ пойманныя сердца, то я отдамъ тебѣ твое платье,“ говоритъ старуха. «Онѣ живутъ въ воздухѣ, сестра ихъ теперь на землѣ; если она о чемъ либо попроситъ, можешь ли ты ей помочь?»—«Если она жива, то мы исполнимъ все, что она хочетъ.» Дѣвушка отдала сердца, старуха платье. Старуха идетъ въ чумъ, гдѣ жили люди безъ сердца, которыя унеслись къ небу, отдаетъ всѣмъ ихъ сердца, и всѣ стали чисты и святы. «Теперь, говоритъ жена, отправимся на небо, къ нашимъ сестрамъ.» Они запрягли оленей, пустились въ путь и поѣхали по воздуху. Тутъ наткнулись они на густой туманъ, такъ что ничего не могли видеть. Семь дней ѣхали они черезъ туманъ, потомъ пріѣхали въ теплое, очень теплое и хорошее мѣсто. Тамъ они живутъ еще до сихъ поръ.

6.

У одной рѣки жилъ старикъ со старухою.—Оба они были Самоѣды. Выше по рѣкѣ жили Остяки въ юртахъ. Здѣсь было много юртъ одна подлѣ другой, какъ деревня. Старикъ жилъ въ крайней бѣдности, у него не было ни оружія, ни инструментовъ, только одинъ топоръ. Одинъ разъ въ вечеру, покончивъ свой ужинъ, старикъ вышелъ изъ чума; по снѣгу бѣгаютъ бѣлыя куропатки. Онъ беретъ полбно, бросаетъ его въ куропатокъ, однакожь не попадаетъ. Куропатки начинаютъ говорить: „За что ты хочешь лишитъ насъ жизни; иди въ чумъ и убей свою жену. Ты бѣденъ, а когда убьешь свою жену, то сдѣлаешься богатымъ“. Старикъ беретъ свой топоръ, идетъ въ чумъ и убиваетъ свою жену. Старикъ начинаетъ плакать: „Что я сдѣлалъ? За что я убилъ свою жену; всю свою жизнь прожили мы согласно, а теперь я ее убилъ!“ Цѣлую ночь онъ плачетъ. Настало утро. Богъ далъ свѣтъ. Старикъ приготовляетъ маленькія собачьи санки, кладетъ въ санки свою жену, сидя, какъ будто бы она была жива. Онъ спускается на рѣку, слѣдуетъ по рѣкѣ; рѣка впадаетъ въ большую рѣку, онъ начинаетъ идти вверхъ по рѣкѣ. Такъ находитъ онъ деревню. Тамъ живетъ остяцкій князь (гагеніеру). Онъ оставляетъ трупъ у оврага. Самъ идетъ онъ къ князю; у него двѣ дочери. Князь даетъ старику пить и ѣсть сколь-

ко ему угодно. „Я-то здѣсь наѣлся и напился“, говоритъ старикъ, „а жена моя могла замерзнуть на дворѣ:—“ За-чѣмъ же ты мнѣ не сказалъ, старикъ, что здѣсь съ тобою твоя жена; можетъ быть, она замерзла“. Князь говоритъ обѣимъ своимъ дочерямъ: „Идите къ старухѣ и принесите ее сюда, чтобы она могла отогрѣться“. Дочери побѣжали, младшая впередъ. „Что ты такъ бѣжишь, этакъ ты еще повредишь старухѣ“. Она однакожь бѣжитъ, прибѣгаетъ къ санкамъ, тянетъ ихъ крѣпко за ремень; старуха падаетъ въ оврагъ. Дѣвушки идутъ домой, приходятъ къ князю и рассказываютъ, что старуха пьяна. Князь начинаетъ искать старуху длинными жердями, но не находитъ

Старикъ живетъ у князя, плачетъ день и ночь, и просто кричитъ о потерѣ своей жены. Князь говоритъ: „мнѣ больно ушамъ отъ этихъ криковъ, сейчасъ же отдамъ старику мою старшую дочь“. Отпраздновали свадьбу.— Князь поставилъ старику особую юрту. Тутъ живутъ они долгое время; жена родитъ сына. Обрадованный этимъ, князь задалъ большой пиръ; ѣли и пили. Всѣ были пьяны. Князь и мужъ его дочери продолжаютъ еще пить. Наконецъ, свалился и князь. Старикъ начинаетъ кричать: „Я одинъ только на ногахъ; всѣ лежатъ тутъ пьяные, хотя мы пили поровну. Этотъ народъ никуда не годится. Я убилъ свою жену, а все еще лучшей человѣкъ, нежели всѣ она! Я живу теперь въ богатствѣ съ тѣхъ поръ, какъ отняли жизнь у моей жены“ — „Что“, говоритъ младшая дѣвушка ты самъ отнял жизнь у своей жены?“ Старикъ подсту-паетъ къ дѣвушкѣ, наноситъ ей ударъ рукою, та дѣлается отъ этого безъ языка. Гости выспались и уѣхали домой. Старикъ также. Младшая дѣвушка продолжаетъ оставаться безъ языка и не можетъ ничего ѣсть. Она уже приближается къ смерти. Князь говоритъ: „гдѣ бы найти когонибудь, кто могъ бы ее вылѣчить? Идите, говоритъ онъ, къ зятю, не знаетъ ли онъ гдѣ можно найти такого“

Зять приходитъ къ князю, но говоритъ, что онъ такого не знаетъ. „Я слышалъ, говоритъ князь, что здѣсь по близости живутъ семь остяковъ; у нихъ есть мать, которая очень искусна. Зять! поѣзжай за нею на добрыхъ собакахъ“. Старикъ запрягаетъ хорошихъ собакъ и уѣзжаетъ. Онъ прѣзжаетъ къ семи остякамъ и проситъ старуху слѣдовать за нимъ къ князю, чтобы лечить его больную дочь. Старуха садится въ санки и отправляется съ

старикомъ къ князю. Приѣзжаютъ. Князь спрашиваетъ: „не можешь ли ты вылечить мою больную дочь?“— „Не знаю. Если повредили ей люди, то есть лекарство; если же болѣзнь отъ Бога,—то ей нельзя помочь. Однакожь, мнѣ кажется, что ей повредили люди“. Старуха беретъ свой волшебный бубень, начинаеть въ него бить и говорить: „Право, я не нашла причины болѣзни и смерть не сдѣлала ей никакого вреда“. Старикъ садится подлѣ старухи, старуха начинаеть опять бить въ бубень, бьетъ сильнѣе, бросается на обѣ стороны. Старикъ стругаетъ острый деревянный гвоздь. Какъ только старуха бросилась въ одну сторону, онъ забиваетъ ей гвоздь въ ухо, такъ что онъ проходитъ насквозь въ другое. Старуха умираеть на мѣстѣ. „Что это такое? дочь моя умираеть, старуха умерла, и семь остяковъ начнутъ нападать на меня.“

Опять проситъ князь старика: „Унеси ты эту старуху къ ея сыновьямъ, и если ты сумѣешь говорить тамъ, что они не нападутъ на меня, то я дамъ тебѣ половину своего имущества“. Старикъ опять запрягаетъ въ санки добрыхъ собакъ, кладетъ старуху, какъ живую, и уѣзжаетъ съ нею. Ѣдетъ онъ темнымъ лѣсомъ. Два Самоѣды стрѣляютъ изъ луковъ по бѣлкѣ. Стрѣляютъ они, да не попадаютъ. Старикъ останавливается, подбираетъ ихъ стрѣлы и говоритъ: „Какъ вы плохо стрѣляете; дайте-ка мнѣ выстрѣлить, такъ я привезу бѣлку князю въ подарокъ“. Между тѣмъ, идетъ онъ къ женщинѣ, втыкаетъ ей стрѣлу въ одно ухо, такъ что она проходитъ въ другое. „Что это“, говоритъ онъ, вы застрѣлили мать семи остяковъ; стрѣла попала въ одно ухо и вышла въ другое“. Самоѣды подходятъ и видятъ—случилась бѣда, идутъ къ князю и просить у него о милости. „Везите, говоритъ князь, везите старуху къ остякамъ и раздѣляйтесь съ ними, какъ знаете“.

Самоѣды просятъ старика отнести старуху къ остякамъ. „Мы дадимъ тебѣ, что ты хочешь, лисицъ, соболей, жиръ, платья и т. п., доставь ты только старуху къ остякамъ!“— „Я возьму весь отвѣтъ на себя, только не обманите меня“. Такъ старикъ отправляется къ остякамъ. Ѣдетъ онъ и приѣзжаетъ къ семи остякамъ. Онъ останавливается съ трупомъ, и вынимаетъ изъ уха стрѣлу и втыкаетъ въ него деревянную вѣтку. Потомъ посыпаетъ онъ старуху сѣгомъ, входитъ къ семи остякамъ, они идутъ къ нему на встрѣчу. Они подходятъ къ своей матери, разсмат-

риваютъ мать, видятъ вѣтку въ ухѣ. „Что! ты убилъ нашу мать?“ — „Что вы говорите?“ — Развѣ ты не видишь, что у нея торчитъ изъ уха вѣтка?“ — „Это произошло отъ того, говоритъ старикъ, что князь далъ мнѣ дикихъ собакъ; вѣрно, вѣтка воткнулась ей въ ухо, когда мы ѣхали по лѣсу.“ Остатки говорятъ; „Грѣхъ твой, и это не пройдетъ тебѣ даромъ.“ — Они вынимаютъ мать изъ санокъ и велятъ старику ѣхать обратно. Старикъ приѣзжаетъ на то мѣсто, гдѣ два самоѣда стрѣляли по бѣлѣ. Они находились опять здѣсь и принесли съ собою все, что обѣщали. Одни санки были наполнены лисицами и соболями, другіе разнаго рода платьемъ. Онъ взялъ санки и уѣхалъ съ ними. Такъ живетъ нѣсколько времени съ княземъ.

Дѣвушка лежитъ при послѣднемъ издыханіи. Князь говоритъ: „Вылечи мою младшую дочь и возьми ее себѣ второю женою“. Старикъ говоритъ: „Принесите ее ко мнѣ, попытаюсь“. Ее приносятъ къ старику, оставляютъ ее въ покоѣ: дѣвушку кладутъ въ особой горницѣ и запрещаютъ къ ней кому либо ходить. разбуженная ея крикомъ старшая сестра идетъ къ ней однакожь, но слышитъ приказаніе своего мужа и возвращается. Вслѣдъ за нею сейчасъ же выходитъ и младшая дочь, здоровая, живая и владѣющая языкомъ. Князь былъ радъ, отдалъ и младшую дочь старику. Послѣ свадьбы, долго они живутъ на томъ же мѣстѣ; младшая жена не говоритъ ни слова о томъ, что она перенесла. У старика растутъ два сына, одинъ отъ старшей, другой отъ младшей сестры. Старикъ говоритъ старшей сестрѣ: „Иди къ отцу и выпроси у него лодку; я хочу посмотрѣть на мѣсто моего стараго жилья“. Жена идетъ и проситъ о лодкѣ, и получаетъ отъ князя позволеніе выбрать для мужа изъ всѣхъ лодокъ такую, какая окажется для него самою лучшею. Старикъ беретъ теперь лодку и отправляется одинъ въ путь. Счастливо достигаетъ онъ до мѣста, гдѣ отнялъ жизнь у своей жены. Онъ причаливаетъ лодку къ берегу и идетъ въ деревню, по близости мѣста, гдѣ прежде жилъ. Всѣ сосѣди узнаютъ его. „Гдѣ ты былъ такъ долго“, спрашиваютъ они. — „Тамъ, въ сосѣдствѣ съ остяцкимъ княземъ“. — „Что слышно на сторонѣ?“ спрашиваютъ сосѣди. — „Ничего хорошаго; поэтому я и вернулся. Говорятъ что Харіотси-Самоѣды (*) придутъ насъ грабить; теперь надо спастись отъ нихъ“.

(*) Самоѣдскій родъ, живущій ниже Обдорской волости.

„Какъ же спастись“? Выройте двѣ ямы, говоритъ старикъ, и спрячьтесь въ нихъ. Покройте ямы большими деревьями, а я самъ покрою еще деревья землю. Въ одну яму укройте вашихъ оленей и все имущество, покройте ее хорошенько землю и идите сами въ другую сколько васъ есть“. Какъ старикъ сказалъ, такъ сосѣди и сдѣлали; одну яму покрыли они сами, а другую покрылъ старикъ. Самъ старикъ пускается въ путь и отправляется опять домой.

Возвращается онъ домой, опять живетъ нѣсколько времени у князя, проситъ опять князя о лодкѣ, чтобы съѣздить на старое мѣсто. „Тамъ“, говоритъ старикъ, „у меня есть имущество на старомъ мѣстѣ и тамъ могъ бы я жить“. Потомъ онъ беретъ двухъ своихъ женъ, сыновей, всѣ свои пожитки и отправляется на трехъ лодкахъ къ мѣсту прежняго жилья. Онъ сходитъ въ деревню, гдѣ прежде жили сосѣди, и прячетъ свои пожитки въ ихъ кладовыя. «Посмотри», говоритъ одна изъ сестеръ, «какая здѣсь славная юрта у старика.» — «Вы лучше посмотрите на мои пожитки, которые я скрылъ въ землѣ», говоритъ старикъ. Яму отрыли, въ ней было много всякаго добра—лисицъ, соболей, горностаевъ, денегъ, платья и т. д. Они принесли все въ кладовыя. Всѣ кладовыя стали полны. «Это добро для васъ», говоритъ старикъ. «Я уже старъ и скоро сойду въ могилу; послѣ моей смерти распорядитесь, какъ знаете всѣмъ, что я собралъ.»

Въ заключеніе привожу нѣсколько самоѣдскихъ загадокъ, собранныхъ въ Нарымскомъ краѣ.

I.

Человѣкъ идетъ впередъ,—и растетъ, и толстѣетъ; какъ убываетъ мѣсяцъ, такъ опять дѣлается тонокъ.

Веретено.

II.

По одной рѣкѣ яромъ идетъ вверхъ черная лодка, а песочнымъ мѣстомъ идетъ вверхъ бѣлая лодка.

Осетръ и нельма (1)

III.

Человѣкъ въ черной шубѣ не можетъ влѣзть къ Богу; въкъ свой мается, а не можетъ достигнуть неба.

Дымъ.

IV.

Маленькая собачка шевелитъ хвостомъ.

Вѣтеръ и флагъ на мачтѣ.

---

(1) Осетръ идетъ яромъ, а нельма пескомъ.

Медвѣдь и волкъ пришли другъ къ другу, потомъ схватились одинъ съ другимъ, такъ лежать, совсѣмъ лежать и не разойдутся.

Уголь избы

VI.

Человѣкъ бѣжалъ по дорогѣ, здѣсь встрѣтилъ другаго человѣка; встрѣтившись вмѣстѣ, схватились и такъ окончатъ свой вѣкъ.

Поясъ.

VII.

На той сторонѣ рѣки вѣтряно, а на этой сторонѣ тихо.

Котель кипить.

VIII.

Съ середины поля сверкаетъ языкомъ.

Коса.

IX.

Кружокъ изъ сарги лежитъ на болотной кочкѣ.

Змѣя.

X.

Прежде ѣдетъ человѣкъ на рыжей лошади, позади за нимъ гонится человѣкъ на черномъ конѣ, а догнать не можетъ; такъ и догоняетъ весь свой вѣкъ.

Паль въ полѣ.

Кл. Н. Костровъ.

